

СТАНОВЛЕНИЕ «КРИТИЧЕСКОГО МЕТОДА» В ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ КИЕВСКОГО ПЕРИОДА)*

Аннотация: Статья П.И. Гайдено и Н.В. Постнова посвящена проблеме возникновения и оформления церковно-исторической школы в России во второй половине XIX в. Авторы статьи стремятся выявить наличие закономерностей в развитии исторических знаний в церковной науке в пореформенный период. Внимание исследователей привлекают вопросы возникновения в церковной исторической науке так называемого «критического метода».

Ключевые слова: Киевская Русь, Крещение Руси, Киевская митрополия, Русская Православная Церковь, история Русской Церкви, церковная историческая школа.

В своей работе, посвящённой русской духовной литературе первой половины XVIII в., П.Славучинский писал, что «литература, как выражение идей и своего времени, по справедливости должна быть названа зеркалом всякой исторической эпохи, которой она принадлежит по своему происхождению» [1, 128]. Можно лишь добавить, что она отражает не только время и его идеи, но и состояние того социального или религиозного института, да и собственно того общества в целом, в котором и для которого эта литература писалась. О необходимости различения направлений в историографии по истории Русской Церкви было сказано ещё в девяностые годы XX в. М.С.Корзуном, выделявшим в ней «религиозное и светское направления» [2, 4-9]. Между тем понимание того, что церковная литература по истории православия должна рассматриваться особо, хорошо осознавалось и ранее, в 60-70-е гг. XX столетия, правда, в указанные годы это связывалось с идеологическими процессами того времени. Мы думаем, специальное отдельное рассмотрение церковных исторических работ обусловлено рядом институциональных и мировоззренческих причин, позволяющих говорить об исследованиях, созданных внутри церкви или «околоцерковной среде», как об особом специфическом интеллектуальном явлении, а в ряде положений даже своеобразной «научной» школе или особой интеллектуальной традиции. Попытаемся выявить отличительные признаки церковных научных школ. Так, например, с точки зрения Г.П.Мягкова, при обозначении и исследовании неоднозначного и противоречивого при попытках выявления определяющих признаков феномена «научной школы» необходимо различать два основных подхода: структурный, при котором школа выступает как «неформальное объединение» исследователей в некоем научном идейном направлении, и «генетический», предполагающий «генетическую связь научного познания и образования», выражающуюся в установлении прямой преемственности между поколениями исследователей в передаче знаний, поддержании и развитии данного научного направления и его идеологии [3, 110-115]. При рассмотрении церковной науки мы имеем все эти признаки. Вводя категорию «научная традиция», мы предполагаем, что прямая генетическая связь между исследователями может отсутствовать, лишая их идейное единство преемственной стройности: учитель (лидер-основатель) – поколения учеников [3, 116]. В церковной среде эта связь чаще всего была сугубо условной. Именно поэтому в предпринимаемом исследовании мы вынуждены порой

* © Гайдено П.И., Постнов Н.В.

смешивать «школу» и «традицию», тем более, что с точки зрения самих церковных исследователей научная преемственность могла проявляться не в прямом научном руководстве, а лишь в одном только указании темы научного сочинения или же в посещении лекций любимого учёного [4, 107-108]. Впрочем, поднимаемая в предложенном абзаце тема требует самостоятельного диссертационного исследования.

Говоря о работах, созданных внутри церкви, нельзя не признать справедливое наблюдение С.В.Рыбакова, что эти исследования представляют собой оригинальную «православную интерпретацию русской истории». Обосновывая положение о том, что «православная интерпретация» заслуживает особого внимания С.В.Рыбаков выделил три основные причины этого: во-первых, православная интеллектуальная традиция «отражает не только религиозную догматику или обрядово-ритуальную систему, но и определённую форму мироощущения, отвечающую психологическому настрою тех, кто эту традицию принимает»; во-вторых, «в свете этого (религиозного – П.Г.) опыта история приобретает смысловые оттенки, о которых историки могут просто не догадываться»; в-третьих, «православие историософично по самой своей сути, поскольку нацелено на постижение смысла человеческого бытия, а значит – и смысла истории, её нравственно-этических уроков. Русская государственность и русская культура формировались под прямым воздействием православия» [5, 5]. Помимо всего, необходимо особо сказать об институциональной стороне церковных исследований. Специфические черты этих трудов также позволяют в ряде случаев квалифицировать церковные исследования, если и не как отдельную школу, то уж точно в качестве самостоятельной «научной» традиции. Как отмечала М.В.Нечкина, «в точном смысле слова «школа» может создаваться лишь на основе единой и ясной методологической концепции» [6, 222]. Впрочем, в отечественной историографии особо оговаривается школа Горского [7, 222; 4, 107-108]. Работы церковных авторов создаются в условиях достаточно жёсткой идейной цензуры, под непосредственным влиянием православных образовательных учреждений и духовных властей и рассматриваются церковью в качестве национально-религиозных и богословских сочинений. История Русской Церкви – это, прежде всего, направление в отечественной истории. Особенностью церковной истории был «критический морализм», смешивающий «реальное содержание» истории и её религиозно-этическую оценку [8, 35]. Проф. М.Э. Поснов и прот. Г. Флоровский недвусмысленно рассматривают церковную историческую науку, как науку богословскую [9, 332-451]. Излагая задачи и методы церковной истории, М.Э. Поснов писал: «Изображению церковной истории подлежит всё то, в чём выразилась и выражается жизнь общества Господня, именуемого Церковью, устрояющую вечное спасение людей. <...> Если светская, гражданская история имеет в виду земное, политическое, культурно-просветительное развитие народов (человечества), то церковная история изображает стремление людей к вечной, небесной цели – спасению их душ» [10, 13].

Как уже было отмечено, в церковных исследованиях преобладают нравственно-педагогическая и религиозно-догматическая оценки прошлого, превращая историю прежде всего в моральный урок. В целом для традиционного исторического знания естественно рассматривать нравственную характеристику прошлого, как «неотъемлемое право исторического знания» [11, 119; 12, 40-42], однако в церковной литературе эта историческая педагогика, стремящаяся соединиться с наукообразностью изложения, порой становится почти что самоцелью. Эта норма религиозного историзма принципиально отличается от главного правила научного историзма – максимальной беспристрастности суждений исследователя [13, 220-225]. И дело не только в том, что «этика постоянно уходит от полемики с сущим, от действительности» [14, 64], но и в

том, что «моральные суждения не переводимы на язык научных категорий» [14, 63]. В итоге возникающие церковные «научные» работы оказываются очень ограниченными в методах исследования и формах изложения исторического материала. В условиях обычной научной школы это обстоятельство наверняка было бы воспринято в качестве необоснованного консерватизма и недостатка, однако в церкви подобное изложение мысли может быть оценено если и не всегда, как достоинство, то наверняка, как своеобразие, выражающееся в верности уже имеющейся традиции.

В целом, с сожалением необходимо признать, со времён А.П. Лебедева, А.В. Карташева и прот. Георгия Флоровского [15, 396-433; 16, 298-321; 17, 12-39], если не считать сравнительно не так давно, в 1998 г., опубликованный в журнале Московской патриархии небольшой труд С.Г. Пушкарева по церковной историографии и очень краткий историографический очерк в нулевом томе Православной энциклопедии [18, 67-79; 19, 46-69; 20, 447-453], мы до сих пор не имеем максимально полного обобщающего исследования, посвящённого церковной историографии и церковно-исторической научной школе. К тому же все перечисленные работы в основном охватывают только наиболее известные общие сочинения по церковной истории, выпуская из вида источниковедческие исследования и громадное число научных статей в различных церковных журналах. Кроме этого существует серьёзная проблема в отождествлении тех или иных исследователей, занимавшихся изучением истории церкви (например, В.О. Ключевский, А.В. Карташев и др.), как церковных, гражданских или одновременно принадлежащих к двум перечисленным традициям. Можно лишь признать, что в церковном «научном» сообществе существует неповторимая интеллектуальная атмосфера, принципиально отличающаяся от той, которая свойственна традиционной науке [21, 267-271]. Возможно, именно по причине перечисленных факторов с сожалением приходится констатировать, что в современной исторической науке в целом сохраняется недопонимание и недооценка того интеллектуального наследия, которое нам оставили церковные образовательные центры. Так, например, в фундаментальной работе А.П.Лаптевой «История славяноведения в России» среди множества образовательных центров бывшей российской империи почему-то никак не прослежена деятельность духовных академий [22]. Между тем в отношении XIX в. «несмотря на все различия в интересах, методах и подходах к исследовательской работе церковная и светская науки не были изолированы друг от друга» [7, 190]. А значит, вопрос об исследовании феномена церковной исторической школы и написании её истории по-прежнему остаётся открытым.

Формирование церковной исторической литературы по истории православия в России и развитие методов церковной исторической науки тесно связано со становлением в рамках академической учебной программы курса истории русской церкви. Именно с развитием духовного образования А.П.Лебедев связывал развитие церковной исторической мысли [15, 397-419.]. Этот процесс был обусловлен двумя факторами: во-первых, развитием системы духовного образования, ориентированного на религиозно-практические нужды Церкви и каноническо-догматические нормы жизни Русского православия и, во-вторых, возникновением в России различных исторических научных школ, несомненно, оказывавших влияния на умонастроения духовных образовательных корпораций. Можно заключить, что и этапы формирования курса, а вместе с ним и развития концепций, излагающих историю русской церкви, во многом, хотя и не во всём, повторяют те же периоды, на какие можно было бы разделить и историю высшего церковного образования в России с учётом развития русской исторической науки в целом.

Важнейший этап в развитии русской церковной исторической мысли тесно свя-

зан с великими реформами Александра II. Именно в этот период в российской церковной исторической науке утверждаются научные методы исследования источников. Необходимость в упорядочении научной и образовательной деятельности академий, которые к тому же продолжительное время оставались замкнутыми сословными заведениями, стала хорошо осознаваться в русском обществе уже в середине XIX в. [23, 838-848]. Несмотря на жёсткую дисциплину, царившую в духовных заведениях, академии и семинарии не были изолированы от процессов и настроений, господствовавших в университетской и гимназической среде [24, 451]. Реформа духовного образования 60-х гг. предполагала видеть в академии, прежде всего, не «воспитательное заведение», а учреждение «учебное», «учёное» и «административное» [25, 1-4, 84-85]. История русской церкви в этот период ещё считалась предметом новым и ещё недостаточно разработанным [26, 5]. Этому было множество причин: неустроенность высшего церковного образования и волюнтаризм высшего священноначалия делали курс обучения в академии перегруженным предметами [26, 5]. Что касается самого высшего духовенства, то оно было озабочено проблемами нежелательного в глазах большинства иерархов усиления университетского влияния на академии и стремлением сохранить религиозные учебные заведения как учреждения главным образом сугубо «духовные» и «церковные» [27, 35-52, 78-81]. Тем не менее, в своих мнениях, изложенных академическими корпорациями в адрес обер-прокурора Синода, в списках учебных дисциплин, рекомендованных в качестве «общеобязательных предметов», значилась и история русской церкви, для которой предполагалась особая кафедра [28, 310; 29, 461; 30, 627].

Не следует выпускать из внимания то обстоятельство, что именно в эти годы в России, как и вообще в Европе [31, 178-182], начинает пускать свои корни позитивизм, в дальнейшем нашедший своё выражение в том числе и в дореволюционной церковной историографии этого периода, а именно в работах Е.Е.Голубинского, В.О.Ключевского и А.В.Карташева, судьбы которых имели некоторое сходство. Первый из них после смерти митрополита Макария (Булгакова) за свои методы и выводы был подвергнут в церковной среде жесточайшей критике. Подобным же образом складывалась деятельность в Московской академии и у В.О.Ключевского, о котором нередко забывают, что он был не только гражданским, но и церковным историком. Учёный весьма почитался студентами московских духовных школ [32, 209], но, несмотря на это, также был уволен из академии [33, 23-29]. А.В.Карташев, не стал исключением и разделил судьбы своих предшественников [2, 33]. Большинство работ последнего получили свою наибольшую известность и признание только в период эмиграции учёного. Именно благодаря этим исследователям так называемый «критический метод» в научной церковной среде стал нормой. Влияние позитивизма тесно пересекалось с славянофильскими настроениями, нашедшими благодатную почву в церковной среде. В итоге в русском церковном научно-педагогическом сообществе царила своеобразная и по-своему неповторимая атмосфера.

Эпоха великих реформ Александра II охватила все стороны жизни российского государства. Серьёзные изменения, произошедшие тогда и в высшем духовном образовании (1869 г.), хотя в области церковно-научной они принесли свои положительные плоды, однако не всеми церковными деятелями были оценены по достоинству. Так, например, историк русского богословия прот. Георгий Флоровский не очень одобрительно отзывался о предпринимавшихся в тот период усилиях в области академического образования. Он был убеждён, что в 60-е гг. XIX в. «больше заботились о сближении с «миром»», а сама реформа «была разработана в духе того неопределённого гуманизма, каким окрашены и другие «великие реформы» тех лет» [9, 363-365].

Зачинателем этих преобразований, поставивших историю русской церкви на одно из самых высоких мест в духовном образовании, помимо протоиерея А. Горского может считаться и митрополит Макарий (Булгаков). Ещё в бытность своего преподавания в Петербургской духовной академии, он задумал и начал осуществлять труд, призванный максимально полно описать историю русской церкви. Поздний биограф митрополита особо отмечал, что для истории русской церкви сочинение Макария имеет такое же значение, что и труд С. М. Соловьёва [34, 34]. Маститому церковному историку удалось привлечь к написанию своего исследования максимальное для его времени число источников. К тому же Макарий смог представить и обосновать процесс распространения и утверждения христианства у восточных славян как органическое продолжение общеевропейской религиозной жизни. Это очень сильно отличало труд митрополита от работ его предшественников, в которых связь русского православия с Византией была по большей части «механической». Заимствовав у Филарета Гумилевского и Платона Левшина предложенную ими периодизацию истории Русской Церкви, Макарий пошёл дальше, обогатив своё сочинение параграфами, содержащими историографические и источниковедческие замечания.

Ранний период истории Русской Церкви (Киевский или Домонгольский) у Макария (Булгакова) занял два обширных тома [35; 36]. Хотя, как уже было сказано, использованные им временные рамки древнейшего периода Русской Церкви совпадали с теми, какие были введены Филаретом Гумилевским, но в отличие от последнего у Макария принятие Русью христианства предстало как сложный, многоэтапный процесс. 250-летний «киевский» период от Крещения Руси до нашествия монголов, Макарий хоть и представил в контексте русской истории, но подобно Филарету Гумилевскому связал с проблемой зависимости русской церковной организации от Византии, а не от политической ситуации на Руси. Идя далее своих предшественников, он разделил этот продолжительный этап на два периода. Рубежом стали события вокруг киевской митрополии в период святительства Климента Смолятича. Каждый из этих этапов церковный историк попробовал представить в плоскости различных направлений церковной жизни: быт, нравы, церковное управление, богослужение, монастыри и т.д. В итоге церковная жизнь каждого из периодов представала почти неподвижной и статичной, что само по себе не вполне верно. Всё же ставить знак равенства или даже тождества в оценках политических процессов, религиозных интересов, нравов, форм и методов управления и т.д., которые бытовали в церкви и обществе в конце X в. и теми же проявлениями жизни в середине XII в. было бы большой ошибкой. Однако та полнота, с которой Макарий излагал материал, компенсировала этот недостаток.

Но здесь нельзя забывать о духовной и государственной цензуре в России, пренебрегать которой не мог даже высший иерарх церкви. Выбранная митрополитом форма изложения примиряла противоречивости реалий церковно-политических процессов древней Руси с теми апологетическими и педагогическими функциями, какие налагались религиозным сознанием на русскую церковную историю. В прошлом Руси желали видеть не исторический, а иконографический образ.

В дальнейшем, давая оценку плодам труда Макария (Булгакова) в области церковной истории, прот. Георгий Флоровский писал: «Это – история, написанная не историком. Историческому рассказу Макарий научился в процессе работы, и последние томы живее первых, но метода он так и не приобрёл» [9, 366]. Признавая порой избыточную фактологичность изложения [9, 366] первых томов, что в целом свойственно для церковных исследований, всё же трудно согласиться с о. Георгием, хотя бы потому, что Макарий был из числа начинателей, первопроходцев, да собственно и задуманный им труд должен был совместить историческое повествование с энциклопеди-

ческой разработанностью каждого отдельно взятого фрагмента этой истории. К тому же главными критиками Макария были выходцы Московской духовной академии, для которой известный церковный исследователь был чужим, будучи выпускником другой конкурирующей духовной школы, Киевской академии, и не принадлежал к числу последователей Филарета Гумилевского. Вероятно, что и предложенные Макарием подходы не вполне вписывались в традиции, заложенные архиепископом Филаретом и о. А.Горским. Макарий излагал свою историю в контексте церковно-политическом в то время, как питомцы Московской академии, как бы сейчас сказали, в «культурологическом». К сожалению, необходимо отметить, что Макарий, в отличие от своего друга и оппонента Е.Е.Голубинского, буквально ворвавшегося в историю русской исторической науки, не относился к числу наиболее цитируемых церковных авторов. Собственно и в самой церковной среде Макария более оценили за его богословские и проповеднические труды. Лишь в последние годы в научном сообществе стал проявляться интерес к его фундаментальному сочинению. Преемником святителя-историка небезосновательно может считаться Е.Е.Голубинский.

Начало научного восхождения Е.Е.Голубинского пришлось на закат жизни митрополита Макария. Голубинского причисляют к ученикам прот. А.Горского [37, 10-11], но подходы к изучению истории церкви в древней Руси и методы, к которым прибегал учёный, его более роднили всё же не со школой Филарета и о. Александра, а с митрополитом Макарием, который, к сожалению, своей школы так и не создал. Последний был одним из живейших критиков Голубинского и вместе с тем едва ли не единственной поддержкой в церковной преподавательской корпорации [37, 15]. Несмотря на необычайно высокий авторитет Голубинского в среде самих академиков и части гражданских профессоров [38, 229], со стороны той половины преподавательского коллектива академии, которая была облечена священным саном, труды и научный скептицизм учёного вызывали дружное порицание и ревностное осуждение. Между тем Е.Е.Голубинский едва ли может быть отнесён к представителям скептической школы, основывавшей свои положения на крайнем недоверии к источникам и историографическим мнениям. Его скептицизм имел свою опору не в недоверии к церковному источнику вообще, а в ином: в отстаивании приоритета исторической истины в русской церковной истории перед истиной идеологической. Перед Голубинским стояла сложнейшая задача разрушения исторических церковных мифов, имевших своё основание не в источниках, а в домыслах, но при этом домыслах, вошедших в повседневность российской истории. Несомненно, это был «неблагодарный» труд. Пока был жив Макарий (Булгаков), научный авторитет и сан которого способны были закрыть рты «ревнителей благочестия в истории», молодому исследователю ничто не угрожало. Но как только со смертью в 1882 г. митрополита Макария Голубинский лишился покровительства омофора, уже на следующий, 1883 г., оппоненты добились того, что Голубинскому запретили издаваться [37, 17-20]. Только в конце жизни, благодаря поддержке друзей и коллег из академии наук учёный был реабилитирован: удостоен звания академика, а его труды были переизданы. Но заслуга за это принадлежала светским, а не церковным исследователям.

История церкви в древней Руси стала основной сферой научных интересов Голубинского. Наиболее известными работами этого исследователя стали его «Опыт полного жизнеописания» Кирилла и Мефодия, «История Русской Церкви», первая часть которого собственно и стяжала Голубинскому славу выдающегося учёного и, наконец, «История канонизации святых в Русской Церкви», публикация которой вызвала наибольшее и при том с научной точки зрения совершенно необоснованное раздражение в церковной преподавательской среде.

Семидесятые годы XIX столетия были отмечены выходом целого ряда работ, посвящённых истории Русской Церкви древней Руси и Киевской Руси в частности. Одними из таких оригинальных сочинений стала магистерская работа Н.Ф.Каптерева «Светские архиерейские чиновники в древней Руси» [39], вышедшая под цензурой прот. А.Горского, и сочинение И.Малышевского «Евреи в южной Руси и в Киеве в X-XII в.» [40]. Основное содержание указанной книги Н.Ф.Каптерева, впрочем, как большая часть его научного наследия, было посвящено московскому периоду истории Русской Церкви [41, 90-91], однако те замечания, какие он сделал в отношении киевского периода, оказались не менее значимыми. Учёный высказал идею постепенного, самобытного, эволюционного развития епархиального управления в домонгольской Руси. Не менее важным было то, что Н.Ф.Каптерев связывал процесс формирования церковного управления у восточных славян не с греческим влиянием, а с местными политическими процессами. Казалось бы, очевидное несоответствие форм и методов управления церковью, которые существовали у восточных славян и греков, не могли быть не замечены. Однако прежде в церковных трудах эта проблема так не обозначалась. Наглядным было и то обстоятельство, что церковное управление на Руси было тесно связано с княжеской властью. Тем не менее, вопрос о возможности признания решающего влияния политических процессов, происходивших на Руси, на местную церковную жизнь, почему-то не ставился. В таком виде, да ещё и публично, до Н.Ф.Каптерева в церковной научной среде эти проблемы не формулировались. Со временем жизненная смелость и научная принципиальность привели учёного к конфликту с К.П.Победоносцевым, подвергшим Н.Ф.Каптерева политической и церковной опале [41, 90-91]. Возникновению противоречий Каптерева с обер-прокурором немало способствовало то, что он был учеником Голубинского [37, 17]. Не менее оригинален был И.Малышевский, рассмотревший русско-хазарские и русско-еврейские связи в контексте политической и религиозной истории. И хотя выводы И.Малышевского носили явно антисемитский характер [40, 503-504], признание сложности и неоднозначности начальной христианской жизни на Руси, обусловленной к тому же множеством влияний, среди которых было и иудейское, было важным показателем развития научного исторического знания в церковной среде.

В эти же годы, в 1877 г., посмертно публикуется работа П.М.Строева «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви» [42]. Это обширное справочное издание охватывало историю высшей церковной иерархии Русской Церкви. Начало работы было положено П.М.Строевым ещё в 30-х гг. XIX в. Учёный полагал, что ему удастся завершить свой труд в кратчайшие сроки, однако исследование растянулось почти на долгих 40 лет. Очень важно заметить, что настоятели монастырей рассматривались как представители высшей церковной власти. Эта позиция не лишена основания. Действительно, особенно в домонгольской Руси, положение игуменов монастырей было столь высоко, что их власть и влияние на княжескую власть едва ли в чём уступали епископской власти, а в Киевской Руси и превосходили её. П.М.Строев был выпускником Московского университета. Главные заслуги учёного были связаны с результатами его археографических исследований [43, 390-392.]. Для нас особенно интересно то, что С.М.Строев занимался проблемами церковной истории, будучи светским исследователем и к преподавательским корпорациям духовных академий не принадлежал.

Здесь необходимо остановиться на причинах возникновения интереса к церковной истории за пределами церковной корпорации. Скорее всего, это связано с определёнными социо-культурными процессами, протекавшими в российском обществе в пореформенный период. Одним из последствий Великих реформ, стало размывание

сословных границ. Разумеется, это явление не могло не затронуть и духовное сословие. Всё больше и больше выпускников духовных семинарий и академий вливались в студенческие и преподавательские корпорации университетов, находили себя не на церковном, а на государственном поприще. Покидая стены синодальных учебных заведений, они не могли автоматически оставить сформировавшиеся там специфический научный опыт, систему ценностей и способ мировосприятия. Это неизбежно сказывалось и на выборе тем их научных работ и направлений исследований. Здесь представляется типичной научная и служебная карьера выпускника КазДА, профессора Казанского университета, Н.Я. Аристова. Его первые научные работы, написанные ещё в стенах духовной академии, были посвящены источникам по истории церкви в древнерусский период [44; 45; 46]. В университете же, сменив направление научного поиска, он избирает своей темой историю промышленности в Древней Руси, сохраняя, при этом, методологические принципы анализа исторических источников сформировавшиеся у Аристова за годы его обучения и преподавания в духовной академии. Не менее интересно и то обстоятельство, что те ранние, посвященные древнерусскому летописанию статьи Н.Я. Аристова были изданы отдельным томом в Санкт-Петербурге в частной типографии через почти три десятилетия после их создания, что свидетельствует о всёвозрастающем интересе к церковной истории в среде гражданских историков [47].

В этот период продолжается активная работа над источниками по истории Русской Церкви. Начало этим трудам было положено усилиями прот. А.Горского. Одним из примеров продолжения работы в области церковного источниковедения стало обширное исследование В.Малинина по описанию Златооструя по рукописи XII в. из императорской публичной библиотеки [48].

Ещё одним важным направлением церковной исторической науки становится история русской апологетики. В 1867 г. иеромонахом Августином (Гуляницким), в дальнейшем епископом Екатеринославским и Таганрогским [49, 111], была написана большая работа по полемическим антилатинским и противоиудейским сочинениям древней Руси [50, 352-381; 51, 461-521]. К сожалению, в дальнейшем богословские и научные интересы этого, безусловно, талантливого учёного, придерживавшегося, по мнению Б.К.Кнорре и А.А.Плетнёва, «научно исторического подхода» [49, 111], никак не были связаны с проблемами христианства у восточных славян. В своём исследовании иером. Августин сумел не только систематизировать первые русские полемические сочинения, но и связать их богословское содержание с религиозными и политическими событиями средневековой Европы и Киевской Руси. Между тем предпринятое исследование имело не только научно-исторический, но и полемический характер, направленный против «заблуждений», «латинской ереси» и «иудейства», что вполне соотносилось с духом времени и нормами написания богословских работ в XIX в. Кроме этого выбранная проблема соответствовала роду научных интересов иеромонаха Августина, «обличительному богословию», кафедру которого он занимал в Киевской духовной академии, будучи на тот момент экстраординарным профессором.

Как мы уже указывали выше на примере Аристова, в отношении ряда учёных пореформенной России очень трудно формально и в месте с тем однозначно определить их институциональную принадлежность: церковную или гражданскую. Как нам видится, наиболее ярко эта проблема обозначилась в отношении В.О.Ключевского.

В период преподавания выдающегося учёного в стенах духовной академии его главные интересы были сосредоточены на проблемах жизни церкви в древней Руси. Пожалуй, важнейшей работой В.О.Ключевского в отношении церковной истории ста-

ло его исследование русской агиографии.

В.О.Ключевский рассмотрел жития святых именно как исторический, а не литературный источник. Характеризуя этот замысел русского историка, М.В.Нечкина писала: «Говорить об историческом источнике означало прежде всего ставить проблему о точности отражения им исторической действительности, о правдивости изображения в нём исторического факта. Ключевский решил эту проблему в основном отрицательно» [6, 149.]. Тем не менее, ситуация, складывавшаяся вокруг его исследований была сложной: «Ключевский не хотел «ссориться» с церковным миром, но никак не мог отступить от истины» [6, 160]. В дальнейшем это недопонимание научной позиции Ключевского со стороны академического начальства привело учёного к отставке и уходу из высшей духовной школы.

В настоящей статье мы не ставили перед собой цели полного описания церковной историографии по вопросам становления церкви в Киевской Руси. Тем не менее, можно констатировать, что во второй половине XIX в. история церкви начинает рассматриваться как составная и неотъемлемая часть истории России. Особые социокультурные процессы, участниками которых становились и члены духовного общества, способствовали, хотя в ряде случаев и не без ущерба для учёного, более широкому применению в научной работе церковных исследователей «критических» методов. Даже такое краткое обозрение работ, созданных в духовных научных корпорациях или под их влиянием, ставит множество задач по дальнейшему исследованию литературы, созданной представителями церковных образовательных сообществ. Как мы думаем, разрешение этих затруднений позволит лучше осознать и оценить роль церковных авторов в формировании интеллектуального наследия России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Славучинский П. Русская духовная литература первой половины XVIII века и её отношение к современности (1700-1762 гг.) // Труды Киевской Духовной Академии, 1878. №4. С. 128-190.
2. Корзун М.С. Русская Православная Церковь: Деятельность и мировоззрение (X век – 1988 год). Специальность – 07.00.02. – отечественная история: Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук в форме научного доклада М. С. Корзун. Минск, 1993. 50 с.
3. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» / Г. П. Мягков; науч. ред. В. Д. Жигунин. Казань, 2000. 298 с.
4. Зорина А.А. Византийское наследие в искусстве средневековой Руси: Отечественная историография второй половины XIX – начала XX веков / А. А. Зорина; науч. ред. Г. П. Мягков. Казань, 2005. 188 с.
5. Рыбаков С. В. Православная интерпретация русской истории в отечественной историографии. Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук / С. В. Рыбаков. – Екатеринбург, 2007. 54 с.
6. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества / М. В. Нечкина. М., 1974. 638 с.
7. Геннадий (Гоголев), архим. Великан учёности. Жизнь и труды протоиерея Александра Васильевича Горского (1812-1875) / архим. Геннадий (Гоголев). М., 2004. 233 с.
8. Кожин В.В. История Руси и русского Слова: (Опыт беспристрастного исследования) / В. В. Кожин. М., 1999. 480 с.
9. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия / прот. Георгий Флоровский. Вильнюс, 1991. 602 с.
10. Поснов М.Э. История Христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.) / М. Э. Поснов. Киев, 2007. 614 с.
11. Барышков В.П. Ценностные ориентации в исторической науке // Человек науки и научно-технический прогресс: Межвузовский научный сборник / отв. ред. В. П. Каратоев. Саратов, 1990. С. 116-120.
12. Али-Заде А.А. Границы науки: о возможности альтернативных моделей познания. Научно-аналитический обзор / А. А. Али-Заде; отв. ред. В. С. Швырев. М., 1991. 48 с.
13. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии / Поль Вен; пер. с франц. Л. А. Торчинского. М., 2003. 394 с.

14. Дубко Е.А. Мораль как предрассудок // Вестник Московского университета: Серия 7: Философия. 2001. № 1. С. 61-73.
15. Лебедев А.П. Церковная историография в главных её представителях с VI до XX в. / А. П. Лебедев; редактор текста М. А. Морозов; вступ. статья И. В. Крившуна. СПб., 2001. 476 с.
16. Лебедев А.П. Краткий очерк хода развития церковно-исторической науки у нас в России (Вступительная лекция по «Истории церкви», прочитанная в Московском Университете 11-го октября 1895 года) // Богословский Вестник, 1895. декабрь. С. 289-321.
17. Карташев А.В. Собрание сочинений: В 2 т.: Т. 1.: Очерки по истории русской церкви / А. В. Карташев. М., 1992. 686 с.
18. Пушкарёв С.Г. Историография Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии, 1998. № 5. С. 67-79.
19. Пушкарёв С.Г. Историография Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии, 1998. № 6. С. 46-69.
20. Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь / под. ред. патр. Алексия II. М., 2000. 656 с.
21. Гайденко П.И. К вопросу о статусе церковной исторической школы в современной исторической науке // Философия и методология истории: Сборник научных статей II Всероссийской научной конференции (Коломна, 17-18 мая 2007 г.) / отв. ред. Калашников С.Г. Коломна, 2007. С. 267-271.
22. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. / Л. П. Лаптева. М., 2005. 848 с.
23. Базаров И. Взгляд на мнения по поводу ожидаемого преобразования духовных академий // Христианское чтение, 1867. Ч. 1. С. 838-848.
24. Смолич И.К. История Русской Церкви (1700-1917) / И. К. Смолич. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. 800 с.
25. Проект устава православных духовных академий. СПб., 1867. 140 с.
26. Объяснительная записка к проекту устава духовных академий. СПб., 1868. 54 с.
27. Замечания на проект Устава духовных академий. СПб., 1868. 98 с.
28. Мнения С.-Петербургской и Московской Духовных Академий относительно преобразований Академий // Христианское чтение, 1867. Ч. 2. С. 273-345.
29. Мнение Киевской Духовной Академии относительно преобразований Академий // Христианское чтение, 1867. Ч. 2. С. 460-470.
30. Соображения конференции Казанской Духовной Академии о преобразовании Академии // Христианское чтение, 1867. Ч. 2. С. 610-648.
31. Репнина Л.П. История исторического знания / Л. П. Репнина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. М., 2004. 288 с.
32. Глубоковский Н.Н. За тридцать лет (1884-1914 гг.) // Церковно-исторический вестник, 1999. № 2-3. С. 205-218.
33. Голубцов С. Московская Духовная академия в эпоху революций: академия в социальном движении и служении в начале XX века. По материалам архивов, мемуаров и публикаций / С. Голубцов. М., 1999. 256 с.
34. Русский биографический словарь: в 20 т. Т. 10: Маак – Мячиковы / сост. П. Калинин и И. Корнеева. М., 2001. 432 с.
35. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: история христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви / митр. Макарий (Булгаков), науч. ред. С. А. Беляев. М., 1994. Кн. 1. 408 с.
36. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988-1240) / митр. Макарий (Булгаков), науч. ред. А. В. Назаренко. М., 1995. Кн. 2. 704 с.
37. Полунов А.Ю., Соловьёв И.В. Жизнь и труды академика Е.Е.Голубинского / А. Ю. Полунов, И. В. Соловьёв. М., 1998. 254 с.
38. Глубоковский Н.Н. С.-Петербургская Духовная Академия во времена студенчества там Патриарха Варнавы // Церковно-исторический вестник, 1999. № 2-3. С. 219-243.
39. Каптерев Н. Светские архиерейские чиновники в древней Руси / Н. Каптерев. М., 1874. 237 с.
40. Малышевский И. Евреи в южной Руси и в Киеве в X-XII веках // Труды Киевской Духовной Академии, 1878. июнь, № 6. С. 565-602.; сентябрь, № 9. С. 427-504.
41. Русский биографический словарь: в 20 т. Т. 8: Кабановы – Косой / сост. П. Калинин и И. Корнеева. М., 1999. 464 с.
42. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви / П. М. Строев. М., 2007. 584 с.
43. Русский биографический словарь: в 20 т. Т. 14: Сигизмунд – Сютяев / сост. П. Калинин и И. Кор-

- неева. М., 2001. 480 с.
44. [Аристов Н.Я.] Взгляд древних русских летописцев на события мира // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. 1859. ч. 2 май. С. 45-66; август. С. 414-446.
  45. [Аристов Н.Я.] Обзор русских летописей в содержании и характере их преимущественно церковно-историческом // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии, 1860 ч.1, апрель. С. 385-440; ч. 2, май. С. 46-74; июнь. С. 177-201.
  46. Аристов Н.Я. Взгляд на церковно-историческое содержание русских летописей // Дух христианина, 1861-1862. октябрь, отд. I. С. 92-120; ноябрь. С. 171-202.
  47. Аристов Н.Я. Первые времена христианства в России по церковно-историческому содержанию русских летописей. СПб. изд. В.К. Симанского, 1888.
  48. Малинин В.В. Исследование Златоустрия по рукописи XII в. императорской публичной библиотеки // Тр. КДА, 1878. – июнь-ноябрь.
  49. Православная энциклопедия: А – Алексей Студит / под. ред. патр. Алексия II. М.: Православная энциклопедия, 2001. Т. 1. 752 с.
  50. Августин, иером. Полемиические сочинения против латинян, писанныя в русской церкви в XI и XII в. – в связи с общим историческим изысканием относительно разностей между восточною и западною церковью // Труды Киевской Духовной Академии, 1867. Т. 2. С. 352-381.
  51. Августин, иером. Полемиические сочинения против латинян, писанныя в русской церкви в XI и XII в. – в связи с общим историческим изысканием относительно разностей между восточною и западною церковью // Труды Киевской Духовной Академии, 1867. Т. 3. С. 461-521.

P. Gaidenco, N. Postnov

THE USE OF THE “CRITICAL METHOD” IN CHURCH HISTORIOGRAPHY: HISTORIOGRAPHICAL SKETCHES ON THE HISTORY OF THE RUSSIAN CHURCH OF KIEVAN PERIOD

Abstract: The essay of P.I. Gaidenko and N.V. Postnov is devoted to the rise and formation of the clerical historical school in Russia in the second half of the nineteenth century. The authors of the essay strives to show the presence of regularity in the development of the study of history among clerical academics in late Imperial Russia. They are particularly interested in questions concerning to the church historical science the so-called “critical method”.

Key words: Kiev Russia, the Christening of Russia, Kiev metropolis, Russian Orthodox Church, history of the Russian Church, clerical historical school.